

В перспективе развития и обогащения личности следует также помнить о научном образовании, в особенности о формировании способности к критическому мышлению, любознательности и склонности к научным исследованиям. Именно научное образование может стать существенным элементом интеллектуального образования, прививая восприимчивость к научным достижениям в кругах различных культур. В этом контексте школа будущего представляется многофункциональным культурным центром, а учитель этой школы – прагматичным воспитателем, ведущим от потребительской модели жизни к гуманистическому выбору и к ориентации на духовную внутреннюю жизнь человека.

Общественные реалии конца XX века требуют от современной педагогики ориентирования не только на сегодняшние проблемы, но и на проблемы будущего – ближайшего и отдалённого. Педагогика оказывается лицом к лицу с новыми вызовами и шансами, с вопросами, касающимися организации педагогической и культурной деятельности, методики введения молодых людей в мир ценностей. Несомненно, аксиология и философия человека могут стать шансом для «школы будущего», а также для новых программ и моделей культурных организаций²⁴. Педагогика, ориентированная на культуру, должна быть нацелена на новое качество человека, а также на воспитание человеческой ответственности не только за состояние нашей цивилизации, но и за себя самого. В этом же направлении должна осуществляться современная педагогическая деятельность, которая позволит привить новый эмос, обеспечивающий каждой личности чувство укоренённости, а также понимание современного мира и его разнообразия.

АНАЛИЗ СЮЖЕТНЫХ СХЕМ И БАЗОВЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ МОДУСОВ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ²⁵

Сапогова Е.Е., г. Тула, Россия

Резюме: в данной статье автобиографические нарративы и сюжетные схемы, которые понимаются как бессознательно принятые самим субъектом в качестве логики жизни последовательность событий.

Ключевые слова: сюжетные схемы, психологические орудия, автонаррация, модус жизни.

Одно из назначений социализации состоит в том, что она создаёт своеобразный семиотический базис, опираясь на который человек оказывается в состоянии структурировать, упорядочивать и семантизировать накапливающийся жизненный опыт в контексте культуры, к которой он принадлежит [10,11]. Способность конкретного человека быть носителем культуры и, взрослея, становиться агентом социализации для следующих поколений неотделима от знания им значений ключевых (прецедентных) повествований. Культурные традиции любого социума на каждой ступени взросления предоставляют всем своим членам значительный запас фабул, мотивов, сюжетов, персонажей, архетипических концептов, которые используются в качестве образцов самоидентификации и самопроектирования, а также как семантические модули выстраивания индивидуальной «картины мира». В контексте наших исследований биографических нарративов ключевые семантические мотивы и сюжетные схемы выступают как своеобразные *психологические орудия* [1] для организации событий собственной жизни в текст.

Автобиография понимается нами как «текстовая идентификация жизни» [17], и, будучи рассказанной не один раз с разными целями, на разных отрезках жизненного пути, с разным уровнем глубины понимания и рефлексии происходящего, она становится своеобразным *синтезом осознания/означивания смыслов собственной жизни и уникального существования субъекта в бытии*. Повествуя о себе и своей жизни, субъект естественным образом прибегает к известным ему нарративным формам и сюжетным схемам, помогающим конструировать и представлять для других собственную жизнь такой, какой она им понята и принята.

Одновременно автобиографическое повествование является «испытательным полигоном» для моделирования множества вероятностных жизненных проектов, в которых субъект ищет и утверждает свою целостность, своё «Я». Автонаррация в этом плане даёт возможность не только реально пережить небывалость и несбыточность некоторых аспектов своего бытия [15, 21], но и планировать то, что человек считает возможным для себя «в этой жизни», о чём мечтает, что хотел бы воплотить. В этом плане каждый текст о себе есть совокупность не только того, что было, но и того, что могло бы быть в индивидуальной жизни, и именно *растущий объём несвершившихся в жизни фактов нарративно устанавливает значение тех, что свершились*.

При построении текста индивидуальной биографии человек по мере взросления из освоенных социокультурных ресурсов отбирает то, что, как ему кажется, *имеет к нему и его жизни непо-*

²⁴М. Buber: *Проблем человека*. Warszawa 1993; *Tożsamość a odmiennosc kulturowa*. Red. J. Boski, M. Jarymowicz, H. Malewska-Peyre. Warszawa 1992.

²⁵ Статья подготовлена в 2011 г. при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 10-06-00152 а).

средственное отношение (в основе этого смыслового узнавания могут лежать как смутная аналогия, похожесть узнаваемого на происходящее, так и внутреннее желание признать желаемое за должное). Поэтому созданные им тексты являются хорошим диагностическим материалом для понимания его ментальных конструкций, внутренних противоречий, проблем, идеалов, ценностей.

Мы предположили, что если этот ресурс невелик, то человек чаще излагает свою биографию как хронологию, не включая в неё моменты индивидуального самообъяснения, самооправдания, самопрекритикования и пр. Текст такой биографии, как правило, не содержит заметных следов внутренней работы над трансформацией событий жизни в события текста, и сам человек считает, что ему практически нечего рассказать о себе, что бы отличало его жизненный путь и жизненные искания от других. Анализ показывает, что такой текст состоит лишь из перечня нормативных жизненных событий, без фрагментов рефлексии их места и значения.

Величина ресурса зависит от возраста повествователя, от того, много ли он читает, хранит прочитанное в культурной памяти и воодушевляется прецедентами, от того, какое он имеет образование, в каких условиях протекает его жизнь, какие образцы для идентификации ему доступны, каков круг его межличностного общения и т.д. У большинства людей в результате синтеза результатов рефлексии жизненного пути и осознания семантических конструкций жизненного опыта постепенно создаётся собственный внутренний «канон» концептов, текстов, сюжетов, персонажей, копинг-стратегий, на основании которого строятся «биографемы» и осуществляется самоосмысление и само моделирование. И тогда автобиографический нарратив, во-первых, опирается на прецедентную для субъекта сюжетно-персонажную канву, а, во-вторых, содержит следы внутренней смысловой работы, превращающей хронику жизни в аутентичный авторский текст, фиксирующий осознание субъектом собственной личностной подлинности. Индивидуально отобранными концептами и сюжетами человек пользуется как некоей виртуальной *меркой* для распознавания значений и построения смыслов того, что с ним происходит, а также для понимания роли индивидуальных отклонений собственной жизни от нормативной линии. В таких текстах субъект выступает уже не только как автор собственной жизни [7], но и как субъект жизнестворчества [6].

В изучении основных сюжетных схем, используемых при конструировании автобиографического нарратива, мы, прежде всего, опирались на известную классификацию сквозных (интертекстуальных) литературных сюжетов Дж.Польти [8], полагая, что цепочки из выделенных им 36 «бродячих» мотивов способны образовать сюжетную канву любого повествования, в том числе и автобиографического нарратива. В этом же контексте упоминается приписываемое Э.Уоллесу «колесо сюжетов» (plot wheel), по принципу которого функционируют все современные компьютерные программы для создания литературных сюжетов и характеров: «оно выглядело как рулетка со 100 делениями, каждое из которых соответствовало определенному сюжетному ходу. Если автор не знает, как дальше развивать сюжет, он крутит колесо и видит в окошке подсказку. Например: он её убивает, она пишет письмо, сгорел дом, пришло плохое известие, пришло письмо с хорошей новостью, попал в тюрьму, родился ребенок, он её изменил и т.д.» [13, с.60]. Такими же «подсказками» для упорядочивания, структурирования и осмысления собственной жизни для человека являются знакомые ему литературные сюжеты, воспринятые как прецедентные – они «размечают» для него пространство жизни, делая её «знакомой» или, по крайней мере, открывающий пригодные модели возможного действия в ней.

В изучении базисных сюжетных схем мы также учитывали описанные В.Я.Проппом функции персонажей сказок [9], основные повествовательные мотивы, рассмотренные в работе И.В.Силантьева [14], и идеи, высказанные по поводу моделирующих семиотических систем в русской культуре Вяч.Вс.Ивановым и В.Н.Топоровым [5].

Изучая психологическое содержание автобиографических нарративов, мы предположили, что они конструируются и повествуются с целью осмысления и конструирования собственного «Я», а также планирования своей жизни на основе извлечения необходимых личности смыслов из её уже свершившихся эпизодов. На данной стадии исследования мы ставили следующие вопросы: какие экзистенциальные модусы современные респонденты предпочитают реализовывать своей жизнью; действительно ли в автобиографическом нарративе, сколь бы авторским он ни был, прослеживаются архетипические сюжетные схемы; есть ли у современных респондентов «тяготение» к выбору и реализации собственной жизнью какого-то определённого круга сюжетов (построению метафор собственной жизни), что обусловлено опытом пережитой социализации (особенно семейной) и своеобразием жизненного опыта; есть ли разница в предпочтении сюжетных схем и экзистенциальных модусов в группах молодых и зрелых респондентов (что обусловлено разными ресурсами социализации, которые мы условно именовали «классическими» и «современными»).

Под *сюжетной схемой* автобиографического нарратива мы понимаем бессознательно принятую самим субъектом в качестве логики совершающейся жизни последовательность событий в повествовании, кульминацию которой образует основной принятый личностью в качестве смыслового центра экзистенциальный концепт (модус жизни). В нашем исследовании это были:

1) 36 сюжетов Дж.Польти: 1) мольба; 2) спасение; 3) месть, преследующая преступление; 4) месть близкому за близкого; 5) затравленный; 6) внезапное несчастье; 7) жертва кого-нибудь; 8) бунт; 9) отважная попытка; 10) похищение; 11) загадка; 12) достижение; 13) ненависть между близкими; 14) соперничество между близкими; 15) адюльтер, сопровождающийся убийством; 16) безумие; 17) фатальная неосторожность; 18) невольное кровосмешение; 19) невольное убийство близкого; 20) самопожертвование во имя идеала; 21) самопожертвование ради близких; 22) жертва безмерной радости; 23) жертва близким во имя долга; 24) соперничество неравных; 25) адюльтер; 26) преступление любви; 27) бесчестие любимого существа; 28) любовь, встречающая препятствия; 29) любовь к врагу; 30) честолюбие; 31) борьба против бога; 32) неосновательная ревность; 33) судебная ошибка; 34) угрызания совести; 5) вновь найденный; 36) потеря близких [8, 9];

2) 31 функция В.Я.Проппа: 1) один из членов семьи отлучается из дома; 2) к герою обращаются с запретом; 3) запрет нарушается; 4) антагонист пытается произвести разведку, выведать важные сведения; 5) антагонисту даются сведения о его жертве; 6) антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом; 7) жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу; 8) антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб, или одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо; 9) беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его; 10) искатель соглашается или решается на противодействие; 11) герой покидает дом; 12) герой испытывается, выпрашивается, подвергается нападению и пр., чем подготавливается получение им волшебного средства или помощника; 13) герой реагирует на действия будущего дарителя; 14) в распоряжение героя попадает волшебное средство; 15) герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков; 16) герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу; 17) героя метят; 18) антагонист побеждается; 19) начальная беда или недостача ликвидируется; 20) герой возвращается; 21) герой подвергается преследованию; 22) герой спасается от преследования; 23) герой незнанным прибывает домой или в другую страну; 24) ложный герой предъявляет необоснованные притязания; 25) герою предлагается трудная задача; 26) задача решается; 27) героя узнают по отметке, по клейму или по переданному ему предмету; 28) ложный герой или антагонист изобличается; 29) герою дается новый облик; 30) враг наказывается; 31) герой вступает в брак и воцаряется [8, 9].

Анализируя указанные плоты и функции, мы предположили, что они содержательно соотносятся с потенциальными стратегиями – *модусами жизни*, которые, в свою очередь, связаны с основными человеческими экзистенциалами и предполагают при их реализации определённую линию действия. Мы полагаем, что человек самоопределяется пережитыми событиями, обстоятельствами и смыслами. Опираясь на имеющиеся исследования архетипов, вариантов и стратегий жизни [2, 3, 4, 12, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 24], в качестве основных модусов мы выделили следующие: 1) потеря, 2) приобретение, 3) испытание, 4) героизм, 5) трикстерство, 6) авантюра, 7) долг, 8) любовь, 9) странничество, 10) хранение, 11) вера, 12) жертвенность. Обобщая содержательное наполнение этих экзистенциалов-стратегем, мы смогли описать 12 различающихся между собой жизненных модусов.

Модус 1. *Жизнь как процесс постоянных утрат* (Я – теряющий). Ему соответствуют сюжетные схемы с мотивами: 1) утраты, 2) беды, 3) несчастья, 4) убыли, 5) запрета, ограничения, 6) уничтожения, 7) поражения, 8) проигрыша, 9) лишения, 10) неудачи.

Модус 2. *Жизнь как процесс постоянного приобретения* (Я – обретающий, имеющий). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) находка, 2) овладение, захват, 3) успех, удача, 4) прибыль, 5) обретение, 6) признание, 7) накопление, 8) наличие, 9) развитие, 10) дарение, наследование.

Модус 3. *Жизнь как испытание* (Я – проходящий испытания). Ему могут соответствовать сюжетные схемы: 1) инициация, посвящение, 2) бунт, противодействие, 3) борьба, 4) конфликт, спор, 5) соперничество, состязание 6) ошибка, 7) спасение, 8) защита, 9) преследование, 10) подменность.

Модус 4. *Жизнь как героизм* (Я – совершающий героические действия, поступки). Ему могут соответствовать сюжетные схемы: 1) достижение, 2) победа, 3) активность, усилие, 4) деятельность, организация, 5) подвиг, 6) поступок, преодоление, 7) творчество, креативность, 8) дар, 9) благодеяние, 10) созидание, демиургичность.

Модус 5. *Жизнь как трикстерство* (Я – насмехающийся и противоречащий, живущий вопреки). Ему могут соответствовать сюжетные схемы: 1) насмешничество, карнавальность, обценность, 2) вредительство, 3) подлость, 4) предательство, 5) профанность, 6) несерьёзность, 7) демонстративность, 8) неустойчивость, незавершенность, 9) противоречивость, амбивалентность, 10) неверность, самообман.

Модус 6. *Жизнь как авантюра* (Я – рискующий и пробующий). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) выбор, 2) риск, 3) игра, 4) случай, 5) авантюризм, 6) попытка, 7) проба, 8) вероятность, азарт, 9) возможность, 10) удача, везение.

Модус 7. *Жизнь как долг* (Я – обязующийся). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) долг, 2) ответственность, 3) необходимость, 4) обязанность, 5) предназначение, миссия, 6) справедливость, возмездие, 7) правота, 8) упорядоченность, 9) осмысленность, 10) сверхзначимость.

Модус 8. *Жизнь как любовь* (Я – любящий). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) любовь, 2) близость, 3) дружба, 4) забота, 5) доброта, милосердие, 6) совместность, причастность, 7) единение, 8) единомыслие, 9) коллективность, 10) участность, общность.

Модус 9. *Жизнь как странничество* (Я – ищущий). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) странничество, 2) бродяжничество, 3) духовные искания, 4) уход, 5) отшельничество, 6) одиночество, 7) метания, 8) поиски, 9) непостоянство, 10) свобода.

Модус 10. *Жизнь как хранение* (Я – сохраняющий). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) хранение, сохранение, 2) сбережение, 3) охрана, 4) ритуальность, 5) традиционность, 6) консерватизм, приверженность чему-либо, 7) память, 8) реликварность, 9) истинность, простота, 10) устойчивость, постоянство, стабильность во времени.

Модус 11. *Жизнь как вера* (Я – верующий, адепт). Ему соответствуют сюжетные схемы: 1) вера, 2) упование, 3) надежда, 4) связь с высшим началом, просветление, 5) убежденность, 6) истинность, 7) духовное наставничество, 8) проповедывание, убеждение, 9) фатализм, 10) спасение.

Модус 12. *Жизнь как жертвенность* (Я – приносящий себя в жертву, служащий чему-либо). Ему соответствуют сюжетные схемы с такими мотивами, как: 1) жертвенность, 2) самоотдача, 3) уступчивость, 4) помощь, 5) поддержка, 6) служение, инвестирование, вклад своей личности в других, 7) зависимость, 8) аскетизм, 9) самопожертвование, 10) бескорыстие.

Эти сюжетные схемы могут иметь разное воплощение, но ими, в принципе, очерчивается основная экзистенциальная идея, которой человек подчиняет жизнь, и внутренняя логика, приписываемая им течению и событиям собственной жизни. Принятая логика воспроизводится автобиографическим нарративом, выполняя в этом случае не только функцию упорядочивания жизненных происшествий и извлечения из них смысла, но и функцию планирования жизни на будущее.

На основе выделенных модусов группам 25-35-летних и 45-60-летних (по 30 человек, равно распределённым по полу) случайно выбранных респондентов было предложено мысленно реконструировать свою биографию и выбрать в бланке со случайным перечнем 120 сюжетных линий (они именовались событиями жизни и были представлены в доступной пониманию респондентов форме) 1) схемы, которые уже реализовались в их жизни (столбец «это уже было в моей жизни» и столбец с кратким описанием такого события – когда, как конкретно реализовалось в автобиографии); 2) схемы, которые, как им кажется, могут свершиться в ней (столбец «это вполне может произойти в моей жизни»); 3) схемы, которые им очень хотелось бы пережить (столбец «хочу, чтобы это свершилось»); 4) схемы, которых хотелось бы избежать в жизни (столбец «хотел бы этого избежать»); 5) схемы, которыми, как им кажется, они могут управлять путём самостоятельных выборов и поступаний (столбец «это произойдёт по моей собственной воле»). При обработке данных мы анализировали содержательную наполненность этих пяти категорий в количественном выражении (каждому выбору присваивался 1 балл, таким образом в каждом модусе можно было собрать от 1 до 10 баллов по каждой из категорий), соотносили их между собой (по аспектам «прожитое», «планируемое», «идеальное», «отвергаемое» в автобиографии) и сопоставляли с основными экзистенциальными модусами. На основе такого эмпирического анализа мы смогли ответить на поставленные в исследовании вопросы. Объём данной статьи не позволяет детально обсудить все полученные результаты, поэтому мы ограничимся изложением основных позиций и краткими комментариями.

Отвечая на вопрос, какие экзистенциальные модусы современные молодые респонденты предпочитают реализовывать своей жизнью, мы отметили, что это, по преимуществу, три модуса: «жизнь как трикстерство», «жизнь как авантюра», «жизнь как странничество», причём первый модус получил максимальное количество баллов. Несерьёзное, поверхностное, порой легкомысленное отношение к собственной жизни, на наш взгляд, во многом обусловлено наличием у молодых людей «синдрома Питера Пэна», распространением диффузии идентичности, тяготением к показушным статусным характеристикам, демонстративному поведению, жизни без усилий, преодоления и обдуманных поступков. Некоторый интерес был выражен к модусам «жизнь как странничество» (преимущественно у мужчин, в старшей возрастной границе), «жизнь как любовь» (преимущественно в женской части выборки). Отвергаемыми оказались модусы: «жизнь как геройство», «жизнь как хранение» – молодые респонденты не готовы к подвигам ни во имя чего и не считают необходимым хранить и усваивать опыт своей культуры; они предпочитают жить динамично, не оглядываясь на прошлое, жаждая бесконечной новизны и остроты жизненных ощущений.

В группе старших испытуемых были выбраны модусы: «жизнь как накопление утрат», «жизнь как испытание» (максимум), «жизнь как геройство», «жизнь как долг» (особенно в большей возрастной границе). Отвергаемыми оказались модусы: «жизнь как приобретение», «жизнь как авантюра». Это тоже кажется вполне предсказуемым: жёстко направленная социализация, давление идеологии, отчётливая система ограничений и регламентаций, многочисленные санкции и запреты, вменённый бытовой аскетизм, установки на личную скромность и т.д. сделали «проходимой», фактически, только одну жизненную «тропу», что сделало жизнь старшего поколения «выпрямленной» и

экзистенциально «плоской», одномерной. Тем не менее популярными оказались и некоторые элементы модусов «жизнь как любовь», «жизнь как странничество», «жизнь как хранение».

Заметим, что выбираемые модусы в возрастных группах заметно различаются, что, видимо, может объяснять и часто отмечаемый недостаток взаимопонимания между поколениями.

В автобиографических нарративах младшей возрастной группы, как показывают комментарии второго столбца, прослеживается тяготение к следующим сюжетным схемам: «запреты» (в автобиографии присутствует плот нарушения запретов, преодоления препятствий), «накопление» (денег, дипломов, статуса, связей и пр.), «конфликт» (с родительской и прародительской семьёй, с ровесниками, с представителями своего и противоположного пола, с детьми, соседями, учителями, наставниками, тренерами, начальством, властями и пр.), «ошибка» (человеку что-то не додали, спутали с другим и наказали, обвинили, отобрали), «преследование» (эта паранойяльная линия встречалась довольно часто в комментариях), «борьба» (как правило, это борьба не «за», а «против» – ограничений, условностей, ханжества), «творчество» (во всех формах), «неверность» (практически каждый пережил её, хотя отрицает, что был кому-то или чему-то не верен сам), «предательство», «пленность», «риск» (отнесён к положительным категориям), «игра», «случай», «справедливость», «любовь», «близость», «одинокчество», «свобода», «надежда». Автобиографический нарратив молодых сфокусирован не на достижениях, преодолении, романтическом самоутверждении, жажде подвигов и славы, как можно было бы полагать, опираясь на знания возрастной психологии, а на конфликте, борьбе, преследовании, ограничении своей свободы, ломке ограничений.

В старшей группе частотные сюжетные схемы – это: «утрата», «поражение», «проигрыш», «признание», «накопление», «развитие», «достижение», «подвиг», «творчество», «созидание», «профанность», «выбор», «случай», «удача», «долг», «ответственность», «справедливость», «упорядоченность», «любовь», «близость», «дружба», «забота», «коллективность», «духовные искания», «одинокчество», «свобода», «сбережение», «исконность», «вера», «надежда», «связь с высшим началом», «самоотдача», «помощь», «бескорыстие». Эти «биографемы» менее эгоцентричны, сильнее ориентированы на межличностные отношения, более гуманистичны и многоплановы. Вариативность в пределах старшей возрастной группы отчётливо выше, чем в младшей.

Таким образом, при анализе собственного жизненного опыта, закладываемого в автобиографический нарратив, представители молодого и старшего поколений демонстрируют существенную разницу как в экзистенциальных модусах, так и в опорных сюжетных схемах.

Список цитированных источников

1. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребёнка // Л.С.Выготский Собр. Соч. – В 6-ти тт. – Т. 6. Научное наследие. – М.: Педагогика, 1984. – С. 6-90.
2. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. – Мн.: Белорусский фонд Сороса: «Армита – Маркетинг, Менеджмент», 1997. – 192 с.
3. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. – СПб.: Питер, 2010. – 160 с.
4. Зеленский В.В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский брeвиарий. – М.: Когито-Центр, 2004. – 256 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). – М.: Наука, 1965. – 251 с.
6. Леонтьев Д.А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А.Леонтьева, Е.С.Мазур, А.И.Сосланда. – М.: Смысл, 2001. – С. 100-109.
7. Низовских Н.А. Человек как автор самого себя. Психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. – М.: Смысл, 2007. – 255 с.
8. Польти Ж. 36 драматических ситуаций. Наиболее известная система построения сюжетов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kinocafe.ru/theory/?tid=51701> 21.11.2010.
9. Пропп В.Я. Морфология Волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
10. Сапогова Е.Е. Психологические аспекты интервенции негативных индивидуальных реалий взрослого мира в современные тексты для детей // Возрастная, педагогическая и коррекционная психология. Сборник научных трудов / Под науч. ред. Ю.Н.Карандашева, Т.В.Сенько. – Минск: Карандашев Ю.Н., 2003. – С. 103-112.
11. Сапогова Е.Е. Семейный нарратив как прецедентный текст для ребёнка // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции «Социокультурная герменевтика: теоретико-методологическое обоснование в контексте развития толерантности». – Кемерово: Графика, 2002. – С. 97-101.

12. Седаков Н.Э. Архетипы бытия и символы культуры (Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде): Дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.03. – М.: 2004. – 126 с.
13. Сериков А.Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2 (6). – С. 60-84.
14. Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
15. Тульчинский Г.Л. Возможное как сущее // Эпштейн М.Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 7-21.
16. Франц М., Хендерсон Дж.Л., Юнг К.Г. Человек и его символы. – М.: ИП Медков С.Б., Серебряные нити, 2006. – 352 с.
17. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 184 с.
18. Хиллман Дж. Архетипическая психология. – М.: БСК, 1996. – 157 с.
19. Элиаде М. Посулы равноденствия. Жатва солнцеворота. – М.: Критерион, 2008. – 464 с.
20. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
21. Эпштейн М.Н. Философия возможного. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2001. – 334 с.
22. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Мн.: Харвест, 2005. – 400 с.
23. Юнг К.Г. Символическая жизнь. – М.: Когито-Центр, 2003. – 326 с.
24. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. – М.: Академический проект, 2007. – 303 с.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОЦИОТИПИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Уткевич О.И., г. Витебск, Беларусь

Резюме: в статье красота рассматривается в качестве объективной составляющей всего бытия, интроецирующей от рождения в каждого человека в виде чувства прекрасного. Несмотря на то, что человеческие представления о красоте носят социотипический характер, у всех народов и во все времена присутствует, незримо ощущается общее в понимании прекрасного. Это и является проявлением красоты как социо-онтологического феномена. Социотипическое поведение имеет объективный онтологический статус, то есть оно объективно детерминировано различными социо-онтологическими факторами, в том числе и эстетического характера. Представление о красоте в качестве эстетической детерминанты социотипического человеческого поведения творит мир социального поведения человека, а заданный тип социального поведения творит конкретный тип социального общества.

Ключевые слова: детерминация, деятельность, интроекция, красота, поведение, социотипическое, социо-онтологическое, эстетическое.

Проблемы человеческого поведения широко исследовались еще в рамках древнегреческой философии. В дальнейшем идея о детерминации поведения, имманентно присущего каждой личности, но вне нее лежащим началом, была развита в рамках средневековой философии. Начиная с нового времени во взглядах на сущность поведения стали доминировать материалистические взгляды, согласно которым поведение детерминировано в первую очередь либо биологической природой человека, либо экономическими условиями его жизнедеятельности. На наш взгляд, эти теории не дают ответа на вопрос о том, как в условиях кризиса старого типа социального поведения сформировать новый тип, придав ему необходимый онтосоциальный характер.

Материалы и методы. Методологической основой нашего исследования являются следующие идеи. Во-первых, это учение христианской философии о том, что красота по самой своей сущности носит не гносеологический, а онтологический характер, представляя собой не человеческие знания о каких-то элементах действительности, и даже не сами эти элементы, а вечную и неизменную действительность. Во-вторых, мы основываемся на широко распространенной как в отечественной, так и зарубежной философской и социальной литературе идее о том, что человеческое бытие в целом детерминированно сознанием. И, наконец, важной методологической основой исследования является концепция функционентризма, согласно которой не столько вещи творят отношения, сколько отношения творят вещи.

Выводы и их обсуждение. В наиболее общем смысле в науке под поведением понимается «присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, включающее их двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде» [5, с. 486]. Отметим, что сам термин «поведение» применяется как по отношению к отдельным живым существам, так и к их совокупностям, но не применяется по отношению к неживым природным объектам.

Этимологически само слово «поведение» показывает, что всякому действию в поведении предшествует гносеологический акт. Естественно, что в наибольшей степени сказанное относится к человеческому поведению. Именно для человеческого индивида поведение – представляет собой *повед-ение*, то есть то, что идет после «ведов» – знания. Конечно, в психологии существуют термины